

HAL
open science

Семантическое описание русской лексики и проблема соотношения синхронии и диахронии

Sergueï Sakhno

► To cite this version:

Sergueï Sakhno. Семантическое описание русской лексики и проблема соотношения синхронии и диахронии. M. Guiraud-Weber (dir.), Русский язык - пересекая границы, Дубна, Международный университет, 2001. <halshs-01736698>

HAL Id: halshs-01736698

<https://shs.hal.science/halshs-01736698v1>

Submitted on 18 Mar 2018

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

HAL Authorization

Serguei SAKHNO, Université Paris Nanterre
Сергей Л. Сахно (Университет Париж 10)

Семантическое описание русской лексики и проблема соотношения синхронии и диахронии

In: Guiraud-Weber M. (ed.), *Russkij jazyk : peresekaja granicy*. Dubna : Meždunarodnyj universitet, 2001 (*Actes du colloque international de linguistique russe (Aix-en-Provence, mai 2000)*). – pp. 189-200

В современных лингвистических работах намечается стремление преодолеть абсолютный характер дихотомии “синхрония / диахрония”. По мнению некоторых исследователей [34], внимательное прочтение работ Ф. де Соссюра показывает, что сам Соссюр отнюдь не противопоставлял синхронию диахронии, рассматривая их как два принципиально различных плана описания языка, а стремился, наоборот, к их “междисциплинарному” гармоничному сочетанию. Лингвисты все чаще осознают необходимость включения диахронических элементов в исследования и описания современного состояния языка. Например, заслуживает особого интереса “бисинхронный” метод описания трудных грамматических явлений русского языка, предлагаемый П.Гардом [26] и развиваемый М.Гиро-Вебер [10]. Проецирование диахронических процессов в синхронию может иметь еще более радикальную форму в некоторых моделях грамматического описания этих явлений [32]. Что касается русской лексики, то данная тенденция ярко проявляется в названии проекта, начатого Д.Н.Шмелевым и продолжаемого его последователями: “Исторический словарь современного русского языка” [2].

В области лексической семантики преодоление разрыва между синхронией и диахронией актуально прежде всего для когнитивного направления в семантике [33], в частности, в связи с проблемами “языковой картины мира”. А. Вежицкая в известной работе, посвященной описанию цветообозначений в разных языках как “артефактов культуры”, замечает в связи с постулируемым компонентом “растительность” в толковании английского прилагательного green ‘зелёный’, что существенно учитывать его возможную этимологическую связь с глаголом to grow ‘расти’; а по поводу слов со значением ‘красный’ (в связи с компонентом “огонь”), она обращает внимание на предполагаемое родство между английским red ‘красный’ и латинским глаголом ardere ‘гореть’ [5, 253-257, 269]. Эти замечания не имеют, однако, системно-теоретического статуса, а выступают скорее как некие вспомогательные и даже второстепенные аргументы в семантических построениях Вежицкой. Характерно в частности, что в

описании слов со значением ‘белый’, где совершенно справедливо указывается на их глубинное семантическое соотношение с понятием “свет”, ничего не говорится о важной диахронической связи между англ. white ‘белый’ (от др.-англ. hwit) и русскими словами *свет* и *цвет* [5, 249-253].

Обращение к данным истории языка и культуры становится необходимым, если изучаются слова, соотносящиеся с “мировоззренческими концептами” (выражение Н.Д. Арутюновой), такие как *человек, личность, фигура* [1, 327-328]. При описании культурно значимой русской лексики, например, слова *око* с его метафорическими осмыслениями [21] или лексики, связанной с понятиями “добро” и “зло” [3], вполне естественно исходить из старославянских языковых представлений, и при этом исследователь работает одновременно в диахронии и синхронии. Элементы диахронии оказываются важными при семантическом анализе отдельных русских глаголов [27].

Этот момент обычно не обговаривается и не комментируется, но молчаливо предполагается, что предыдущие (зачастую весьма древние) состояния языка оставляют существенные следы в семантике описываемых лексических единиц. Но есть исключения. Например, Е.С.Яковлева в своей работе, посвященной современной русской лексике, связанной с обозначением пространства, времени и способов восприятия действительности говорящими, прямо признает: “проделанный нами анализ пространственно-временной лексики русского языка показал, что данные сравнительно-исторической реконструкции архаической модели мира в каких-то случаях являются оптимальным объяснением современного словоупотребления” [22, 12]. В связи с этим автор отмечает, что развитие и последующая систематизация языковых значений, задаваемая архетипической картиной мира, происходит в сторону “экспликации архетипических черт нашего сознания” [22, 308]. В другой работе Е.С.Яковлева идет еще дальше, показывая, что “бессознательная память” слов отражается на их функционировании в современном языке: так, семантико-синтаксические особенности слова *труд* (которое, в частности, не сочетается с неодушевленными существительными, ср. **труд механизма*) в сравнении с его синонимом *работа* (ср. нормальность сочетания *работа механизма*) во многом объясняются разницей этимологических значений данных лексем (‘страдание, скорбь, болезнь, горе’ и ‘рабство, служба’) [23].

Учет диахронии рассматривается некоторыми авторами как важное условие системного представления современной русской лексики и охвата ее смысловых потенциалов. Для системного описания лексики В.Г.Гак предлагает понятие “этимолого-семантического поля”, которое некоторым образом сочетает диахронию с синхронией: основная задача при анализе этимолого-семантического поля (например, в русском языке - поля слов со значением ‘земля’, образованных от русской основы *земл-, зем-* и от заимствованных основ, таких как лат. *terr-, tellus, humus*, греч. *gê-, khtôn*, герм. *land*) состоит, по мнению автора, в выявлении путей семантической и структурной деривации слов с общим

этимологией; при этом разные единицы поля отражают те или иные реально существующие стороны данного объекта [9, 691-701]. Это необходимо для системного структурированного описания словарного состава русского языка, который (и в этом русском подобен другим современным литературным языкам с давней письменной традицией) этимологически крайне неоднороден: помимо исконных слов, он включает много лексических заимствований, этимоны которых нередко дублируют по своему значению существующие в языке коренные этимоны. Сходные мысли, хотя и с иных теоретических позиций, высказывает Н.Ю.Шведова в статье о работе над “Русским семантическим словарем”: “русская лексическая система сложилась исторически (...); в ней присутствуют как отдельные единицы, так и целые подмножества, несущие в себе следы прежних ступеней развития языка; таким образом, в самой системе заложены свойства соположенности единиц, различных по своим индивидуальным генетическим (хронологическим) характеристикам, а также по стилистической окраске, по своей сути тоже принадлежащей к широкой сфере исторических характеристик слова” [20, 4].

Еще один, весьма показательный, пример. Авторы словаря “*Дискурсивные слова русского языка*” [11], синхроническая направленность которого не подлежит сомнению, регулярно вводят в структуру словарных статей рубрику “Истоки”, что подчеркивается во *Введении*: “мы исходим из того, что правильную трактовку слова следует искать не только в интуиции других носителей и лингвистов, закрепленной в словарях, грамматиках и исследованиях, но и в “родственных связях” слова - как синхронических (собственно родственные слова), так и диахронических (этимологические корни слова). Подчеркивается, что этимология при этом понимается в “самом широком смысле, как происхождение и история изменений значения слова” и что “история слова, его внутренняя форма небезразличны для его плана содержания в современном языке и тем самым в скрытом виде может присутствовать (и часто действительно присутствует)” в предлагаемом семантическом представлении” [11, 42]. Например, при описании значений слова *кстати* оказывается важным учитывать, что исторически оно состоит из предлога *к* и существительного *стать* (в старом значении ‘причина, повод, способ’, ср. современные значения ‘осанка, фигура’): “это сочетание вводит в рассмотрение проблему взаимной адекватности двух элементов в некотором отношении” [11, 249].

Если такой подход возможен к дискурсивным (модальным) словам, то он еще более оправдан, как нам кажется, ко многим полнозначным словам русского языка, особенно к таким культурно и социально “нагруженным”, как, например, *мир, воля, свобода, судьба, время, товарищ, друг*. Теоретическая неразработанность этого подхода все же ограничивает его применение. Нелегко преодолеть и общий скептицизм относительно пользы и научности этимологических описаний (наблюдающийся не только у лингвистов, см. [29]). В чем-то скептицизм этот оправдан. Здесь исследователя подстерегает опасность упрощенных, прямолинейных трактовок и объяснений, находящихся нередко на грани

“народных этимологий”. От этого предостерегал Э.Бенвенист в классической работе о семантической реконструкции [24] и еще ранее В.В.Виноградов в докладе 1950 г., опубликованном в [7, 5-38]. В частности, В.В.Виноградов, упрекал этимологию в том, что ее объект - не слово в его исторической реальности, а некая “семантическая фикция”, условно принимаемая за этимологический центр целой группы разных слов. Виноградов различает поэтому семантическую историю слова (“историко-лексикологическое изучение слова”) и его этимологию в узком значении (“палеонтологическое или историко-этимологическое изучение слова”) [7, 8] и утверждает, что изучение истории слова на протяжении веков может быть вовсе отделено от этимологии, поскольку “можно следить за историческими судьбами слова с любого момента” его бытования в языке [7, 13]. Хотя вопрос об изменениях смысла и употреблении слов не чужд этимологии, она “меньше всего способна раскрыть все разнообразие смысловых изменений, переживаемых словом в разной социальной среде и в разные эпохи”. Приводя в качестве примера слово *подушка*, Виноградов отмечает, что у него по меньшей мере три разных этимологических объяснения - 1. от *под* и *ухо*, т.е. “то, что подкладывается под ухо”; 2. от этимологического гнезда *дух*, т.е. “что-то надутое”; 3. заимствование из тюркских языков, родственное *тюфяк*, - и утверждает, что вне конкретной истории данного слова ни одна из этих этимологий не обладает ни малейшей степенью достоверности.

Следует, однако, иметь в виду, что Виноградов определяет скорее некий эпистемологический идеал (в какой-то мере продиктованный традиционными представлениями об этимологии как о поиске истоков слова и его истинного, первоначального значения), который не всегда достижим на практике. Современные же лингвисты все чаще склоняются к необходимости введения принципа множественности этимологических гипотез (принцип “полиэтимологичности” слова), каждая из которых является лишь более или менее достоверной [19] и подчеркивают важность сравнительных историко-семантических данных [14]. Так, с точки зрения франкоговорящего для представления “внутренней формы” слова *подушка* отнюдь не безынтересна его связь (пусть даже гипотетическая, или даже связь по принципу народной этимологии) со словом *ухо*, поскольку аналогичная связь наблюдается во французском языке - в явном виде (*oreiller* ‘подушка’ происходит от *oreille* ‘ухо’) или в менее явном виде (*coussin* ‘подушка (для сидения)’ восходит к лат. *soxa* ‘ляжка’, т.е. первоначально “то, что подкладывают под ляжки”). Заметим, что для некоторых лингвистов эта этимология слова *подушка* является семантически очевидной, см. [12, 77].

Современная лексикографическая практика отнюдь не исключает диахронию, но делает это весьма непоследовательно. Сразу укажем, что наши замечания относительно толковых словарей вовсе не являются упреками в адрес их авторов, поскольку этимология не является основной задачей толкового словаря, тем более однотомного, типа ТСРЯ или нового БТС. Однако представляется, что анализ причин присутствия или отсутствия

этимологических помет (и иных сведений исторического характера) относительно того или иного слова и внимательное рассмотрение имеющихся элементов диахронического типа могут дать интересный материал для размышлений над проблемами сочетания синхронии и диахронии в лексикографическом описании, а также в семантических исследованиях вообще.

Явное присутствие диахронии в современном толковом словаре русского языка наблюдается в этимологической помете. Обычно этимологическая справка дается лишь для заимствованных (иностранных слов), и то не всегда. В этом отличие от французской лексикографической традиции, в которой даже однотомные толковые словари типа *Petit Robert* или *Lexis* дают этимологию для практически всех слов (исключая, разумеется, дериваты), причем иногда довольно подробную. Этот принцип никак не обговаривается, за исключением общих замечаний в предисловиях словарей о том, что “основной состав русской лексики принадлежит исконным собственно русским образованиям и лексике общеславянского фонда”. Вообще говоря, не совсем понятно, что следует считать заимствованным словом. Например, древние заимствования из иранских языков типа слова *мир*, значение этимона которого в восточнославянском было, по мнению многих лингвистов и историков [25, 259], ‘общественная и мировая гармония, порядок’ (ср. имя *Митры*, иранского божества договора и общественного порядка, санскр. *mitras* ‘соглашение, договор’) рассматриваются в толковых словарях, судя по всему, как исконные слова. И о их происхождении читатель такого словаря ничего не будет знать (в отличие, например, от слов *абрикос* или *артишок*). Между тем сведения этого рода чрезвычайно важны для понимания всего круга значений и употреблений слова *мир* (имея в виду и связь между значениями ‘вселенная’ и ‘отсутствие войны’), а также его дериватов (*мирской*, *мировой*); они являются весьма существенными для описания этого слова и связанных с ним концептов [4, 485-486].

Статус данных исторического характера в современных толковых словарях вообще не совсем ясен. ССРЛЯ приводит после основной словарной статьи так называемый “справочный отдел”, где помимо сведений об особенностях произношения и написания слова, установленных в памятниках письменности с начала ХУШ века, даются исторические сведения о старейшем упоминании слова в словарях (начиная с ХУШ века) и в словаре древнерусского языка Срезневского, сведения о заимствовании слова из какого-нибудь иностранного языка, а также ссылки на родственные гнезда.

В ТСРЯ указывается, что происхождение слова дается после толкования только в исключительных случаях, когда эти сведения помогают более точному пониманию значения слова. Например, это касается слов *абракадабра*, *капустник*. *Абракадабра* определяется как ‘бессмысленный, непонятный набор слов’ с примечанием “по латинскому названию магического заклинания”. Отметим, однако, что это скорее справка энциклопедического характера, чем этимология (поскольку все равно ничего не говорится

о происхождении позднелатинского слова *abracadabra*, имеющего сложную, во многом не совсем ясную, историю). Не совсем понятно также, почему такие пометы не даны для многих других слов в случаях, когда это даже более полезно для более точного понимания значения слова. Любопытно, что как раз *абракадабра* не снабжено этимологической пометой в словаре БТС, который довольно регулярно приводит такие сведения для слов иностранного происхождения. Нет такой пометы и при слове *арбуз* (которое, как известно, пришло из тюркских языков). Означает ли это, что авторы считают происхождение данных слов менее существенным для толкования его значения, чем для, например, таких слов, как *абрикос*, *артишок*? Или данные слова уже не рассматриваются как “иностранные”? Отсутствие этимологической пометы иногда удивительно. Слова *бахрома* и *макраме*, восходящие, как известно, к одному арабскому источнику (араб. *mahrāma* ‘платок’), но пришедшие в русский язык разными путями и в разные эпохи, вообще не сопровождаются в БТС этимологическими пометами, что особенно странно для несклоняемого *макраме*, слова, иноязычное происхождение которого очевидно. Наоборот, иногда этимолого-энциклопедическая справка необыкновенно пространна. Например, БТС относительно слова *александрит* не только сообщает, что минерал назван в честь императора Александра II, в день совершеннолетия которого он был найден в изумрудных коях, но и указывает, что “своим появлением он как бы предсказал будущее Александра II”, добавляя некоторые (неожиданные для толкового словаря) детали о его политической и магической символике.

Кстати, говоря о слове *абрикос*, нельзя не отметить некоторую произвольность в формулировке сведений о его происхождении в БТС. Так, этимологическая справка БТС указывает просто : “от франц. *abricot*”. Между тем, судя по данным этимологических словарей, это слово скорее всего восходит к голландскому *abrikoos* (которое указывается ССРЛЯ в одном ряду с данным французским словом и с немецким *Aprikose*). Подобные справки, как нам кажется, играют простую роль некоего знака принадлежности слова к “чужой” материальной и духовной культуре (с этой точки зрения, тюркизм *арбуз* оказывается как бы “своим”, исконным, словом). Но даже в таком случае читателю было бы, наверное, интересно сопоставить происхождение *абрикос* с историей слова *апельсин* (тоже пришедшего в русский из голландского), а с другой стороны, узнать, что в западноевропейские языки данное слово пришло из арабского, что в какой-то аналогично истории такого слова, как *артишок* (с той, правда, разницей, что арабский сам позаимствовал слово *al-barquq* из латинского *praesocquius*, от *praesox* ‘скороспелый’). Еще пример. БТС указывает, что *ягуар* произошло из немецкого *Jaguar*, ничего не говоря о источнике данного слова в европейских языках - тупи-гуарани *yaгуага*. В результате таких усеченных до минимума этимологических справок формируется неверный образ слова (и, например, *ягуар* будет восприниматься как германизм - с потенциальными военными коннотациями - типа *вермахт*, что абсурдно с точки зрения обозначаемой этим словом

неевропейской реалии).

В некоторых случаях этимологические пояснения и способ их представления оказываются в противоречии с современным значением слова. Относительно слова *абитуриент* словарь БТС замечает в самом начале словарной статьи, что оно происходит от латинского *abituriens* ‘собирающийся уходить’. Лишь второе значение, данное как *устар.* (‘учащийся, оканчивающий среднюю школу, выпускник’), имеет непосредственную связь с данной этимологией и позволяет понять первое (по словарю) значение ‘тот, кто поступает в высшее или среднее учебное заведение’. Диахронический элемент в этой статье несомненен и играет важную роль, но было бы логичнее непосредственно связать латинское происхождение слова с его устаревшим значением в русском языке (любопытно, что в ССРЛЯ и в ТСРЯ значение ‘выпускник средней школы’ - с такой же пометой *устар.*- дается как раз первым, а не вторым). Почему этот момент важен с точки зрения более точного и полного словарного представления данного слова? Дело в том, что семантический прототип (в смысле работ [18; 28]) *абитуриента* - это именно юный выпускник средней школы, поступающий в вуз (причем скорее именно в вуз, а не в техникум или училище, колледж) сразу после окончания школы или через относительно небольшое время после этого. Например, человека солидных лет, уже имеющего вузовский диплом и желающего поступить в вуз для приобретения новой специальности вряд ли назовут *абитуриентом* (конечно, если иметь в виду не бюрократические, а реальные речевые употребления). К тому же говорят и пишут, например, *справочник (пособие) для поступающих в вузы*, а не *справочник (пособие) для *абитуриентов*. Поэтому диахронический элемент - не простое украшение словарной статьи, а способ проникновения в прототипический (“ядерный”) аспект значения слова.

В БТС указание иностранного источника русского слова без значения первого предполагает (в соответствии с принципами, изложенными во *Введении*), что в русском иностранное слово не претерпело семантических изменений. Для *министр* дается только франц. *ministre* без перевода, что безусловно с точки зрения формальной, ближайшей, этимологии. Но разве не существенно, что само французское слово имеет историческое значение ‘служитель, помощник, второстепенное лицо’ (откуда ‘служитель монарха, служитель государства’)?

Что касается омонимов, то, например, для *мумия-1* ‘высохший труп’ и для *мумия-2* ‘минеральная краска в виде порошка’ дается один и тот же этимон (‘от араб. *mumija*’) без семантических пояснений. Читателю словаря остается только гадать, каким образом связаны эти омонимы, явно восходящие к одному и тому же арабскому слову (которое первоначально означало вещество, которое в древности использовалось для бальзамирования трупов). Нам кажется, что семантическая сторона описания этих омонимов выиграла бы, если бы связь (или, наоборот, ее отсутствие) была бы в какой-либо форме эксплицирована. Интересно, что ССРЛЯ указывает для *мумия-1*: “араб. *mumija* от

перс. *tum- воск*”, а для *мумия-2* дается просто: “араб. *tumija*”. Происхождение “исконных” омонимов типа *охота-1* (‘поиски зверей ... и т.д. ‘) и *охота-2* (‘желание’) вообще никак не отмечается, несмотря на большой семантико-исторический интерес таких случаев [30].

Нередко в результате произвольного, несистематического подхода к этимологическим пометам искусственно разрываются близкородственные слова, аннулируя и без того малоочевидные, но важные, историко-семантические связи. Так, *геральдика* объясняется в БТС из латинского *heraldus* ‘глашатай’, в то время как *герольд* ‘глашатай’ дается как заимствование из немецкого *Herold*. Однако филологам известно, что это латинское слово - всего лишь латинизированный вариант французского *héraut* ‘глашатай’, которое произошло из германского **heriwald* ‘военачальник’.

Скрытое присутствие диахронии в случае слов исконного, славянского происхождения, не менее интересно для анализа. Так, указание словарем устаревших значений и употреблений слова нередко свидетельствует о сохранении исторической “памяти” слова, которая позволяет лучше понять его глубинную специфику. Довольно показательным примером является слово *товарищ*. Словари (ТСРЯ, БТС) приводят (в качестве устаревшего) значение ‘помощник, заместитель’ (в сочетаниях *товарищ министра, товарищ прокурора*, ср. странность в данном значении **друг министра*). При этом не менее важны словообразовательные связи слова - от хорошо выявляющихся в синхронии до отнюдь не очевидных даже в диахронии. Например, для слова *товарищеский* ТСРЯ дает (как *устаревшее*) значение ‘совместный, с участием на равных правах’, с примером “*товарищеский* обед (в складчину)”, а для *товарищество*, помимо актуального значения ‘производственная, торговая, кооперативная организация, состоящая из равноправных участников’, приводит старое употребление типа *Вспахал огород в товариществе с соседом*. Отметим невозможность подобных употреблений для соответствующих образований от близкого синонима *товарищ* - *друг* (так, *дружеский* обед - это обед друзей, но не обед в складчину). Выявляется некоторая “институциональность”, равноправность и материальность отношения, задаваемого данным словом и его производными.

Эти элементы (если их систематизировать) весьма существенны для пояснения сложной этимологической связи между *товарищ* и *товар*. Мы считаем, что вопрос о реальности такой связи (который нередко задают иностранцы, изучающие русский язык) отнюдь не следует рассматривать как “наивный” или “ненаучный”, ссылаясь на неясность этимологии слова *товар* (связываемого, как известно, с тюркскими словами со значением ‘скот, богатство’) и на отсутствие живой семантической связи между *товар* и *товарищ* в современном состоянии языка. Как мы показали в работе [30], *товарищ* хорошо вписывается в архаическую концептуальную систему “разделения общего воинского или мирного труда и общего богатства”, если учитывать все исторические значения слова

товар и его возможных этимонов (‘военный стан’, ‘имущество, богатство’, ‘походный военный или торговый обоз’, ‘скот’, ‘стадо’). Даже некоторые выделяемые в синхронии подзначения этого слова уходят в его прошлое: так, БТС в значении ‘человек, связанный с кем-л. узами дружбы, близкий приятель’ приводит (в качестве подзначения): ‘о том, кто или что постоянно сопутствует человеку в его делах, трудах, путешествиях’ (ср. *Кинжал - его неизменный товарищ* при странности *Кинжал - его неизменный ??друг* или пословицу, приводимую в словаре В.Даля *От товарища отстать - без товарища стаять*, где *товарищ* имеет значение ‘попутчик’ и не может быть заменено на *друг*). Между тем значение ‘попутчик’ связано с одним из исторически засвидетельствованных значений слова *товар* (‘походный или торговый обоз’).

Семантический анализ “полиэтимологичного” слова *товарищ* в диахронии показывает важность таких моментов, как объективное, социально обусловленное взаимоотношение на материальной основе, не зависящей от чувств и пристрастий субъекта, общность социальной практики и коллективность (над-индивидуальность). Именно по этим параметрам *товарищ* и отличается от слов *друг* (для которого не существенна материальность отношения, но важна субъективность, “близость” и “особость” связи, надежность) и *приятель* (которое предполагает просто хорошее знакомство с человеком и удовольствие, получаемое от общения с ним). Важно отметить, что этот историко-семантический “портрет” слова *товарищ* во многом объясняет его семантические судьбы (именно *товарищ*, а не *друг* стало обращением в среде русских социал-демократов, а затем официальным обращением советской эпохи с соответствующими идеологическими коннотациями).

Отметим, что результаты нашего анализа в значительной мере совпадают с выводами А.Вежбицкой в работе [6], выполненной с иных теоретических и методологических позиций, относительно семантического представления русских слов *товарищ*, *друг* и *приятель*. Вежбицкая показывает, что для слова *товарищ* в его традиционном употреблении существенными являются такие смысловые моменты, как а) коллективистская перспектива концепта; б) равенство членов группы; в) то, что они собраны вместе; г) то, что они находятся в одних и тех же условиях и что их статус воспринимается как статус претерпевателей, а не деятелей; д) солидарность и внутригрупповая идентификация [6, 365]. Можно сказать, что все эти элементы позволяют рассматривать сложные диахронические связи слов *товар* / *товарищ* как основу для постановки вопроса об определении “внутренней формы” слова *товарищ*.

Представляется, что за неимением теоретически более строгих терминов, понятие *внутренней формы слова* наиболее удобно для описания данного аспекта лексики, так как оно в какой-то мере находится между синхронией и диахронией. Это понятие, как известно, имеет свою (уже довольно долгую) историю и восходит в русском языкознании к работам А.Потебни, который понимал внутреннюю форму слова как отношение

содержания мысли к сознанию, говоря, что внутренняя форма “показывает, как представляется человеку его собственная мысль” [16, 97-114]. В современной лингвистике внутренняя форма слова определяется по-разному, в частности, как: а) семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими; б) признак, положенный в основу номинации; в) способ мотивировки значения в данном слове; г) часть структуры лексического значения, способ представления в языке внеязыкового содержания [13; 17; 15, 161]. Не совсем ясно соотношение между внутренней формой и мотивацией [8, 38]. Недостаточная теоретическая разработанность этого понятия делает необходимым прежде всего построение семантической типологии лексических единиц с точки зрения их внутренней формы, в том числе в сопоставительном плане [31, 291]. В рамках проекта “Описание русской лексики и проблемы прозрачности русского слова”, над которым ведется работа в Лаборатории методики и информатики русского языка (кафедра славистики Университета Париж 10), мы предлагаем включать частичные элементы диахронии в семантическое описание [30; 31]. На данном этапе важно не только установить общие принципы такого подхода, но и проделать систематическую работу по выявлению связей между синхронической семантикой и диахронической семантикой для русских лексем, существенных для описания основных понятий материальной и духовной культуры, и по обобщению данных подобного рода, разбросанных по отдельным словарям, статьям и монографиям.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Бабаева Е.Э., Журавлева А.Ф., Макеева И.И. О проекте “Исторического словаря современного русского языка”. - ВЯ, 1997, 2, 34-46.
3. Берестнев Г.И. Иконичность добра и зла. - Вопросы языкознания, 1999, 4, 99-113.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. Вежицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. - В кн.: Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996, 231-290 The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition. - Cognitive linguistics, 1990, 1, 1, 90-150).
6. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999 (“Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии культуры: модели дружбы в разных культурах: Модели дружбы”, 306-433).
7. Виноградов В.В. История слов. М., 1994.
8. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
9. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
10. Гиро-Вебер М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикатной позиции в современном русском языке. - В кн.: Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб, 1996,

- 65-79 (русский вариант работы: Guiraud-Weber M. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne. - *Revue des études slaves* (Paris), 1993, LXV, 1, 81-95).
11. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
 12. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
 13. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.
 14. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.
 15. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982
 16. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
 17. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П.Филин. М., 1979.
 18. Семантика и категоризация / Отв. ред. Ю.А.Шрейдер. М., 1991.
 19. Топоров В.Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии. - Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1984.
 20. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над "Русским семантическим словарем". - ВЯ, 1999, 1, 3-16.
 21. Чернышева М.И., Филиппович Ю.Н. Историко-лексикологическое систематическое исследование: экспериментальный опыт на основе информационной технологии. - ВЯ, 1999, 1, 56-83.
 22. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
 23. Яковлева Е.С. Бессознательная память слов, - ВЯ, 1998, 3, 43-73.
 24. Benveniste E. Problèmes sémantiques de la reconstruction. In: *Problèmes de linguistique générale*, t. 1, P., 1966.
 25. Cornillot F. L'aube scythique du monde slave. - *Slovo* (Paris), 1994, 14, 77-260.
 26. Garde P. Pour une méthode bisynchrone. - *Travaux du Cercle linguistique d'Aix*, 1988, 6, 63-78.
 27. Hénault-Sakhno Ch. *Kuřat'*, verbe ancillaire (?), ou Comment manger russe. - *Slovo* (Paris), 1997, 18-19, 501-520.
 28. Kleiber G. La sémantique du prototype. P., 1990.
 29. Paulhan J. La preuve par l'étymologie. Cognac, 1988.
 30. Sakhno S. La Mémoire des mots: Problèmes de sémantique historique comparée. - *Slovo* (Paris), 1998-99, 20-21, 327-352.
 31. Sakhno S. Typologie des parallèles lexicaux russes - français dans une perspective sémantico-historique. - *Slovo* (Paris), 1999, 22-23, 327-352.
 32. Sakhno S. Les formes de l'adjectif attribut en russe: prédication "effectuée" versus prédication "mentionnée" - à paraître dans la *Revue des études slaves* (Paris), 2000.
 33. Sweetser E. From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge, 1990.
 34. Wunderli P. Saussure et la diachronie. - In: *La linguistique génétique: Histoire et théories* \ A.Joly éd., Lille, 1988, 143-199.

Цитируемые словари

БТС - Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. СПб, 1998.

ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. Изд. 2-е. М., 1991 - .

ТСРЯ - Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.